

DOI: 10.31696/S086919080038007-4

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ: ТИПОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

© 2026

Л.Р. ЗАРИПОВА ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8272-1754; zlr-zlr@mail.ru

Резюме: В статье рассматриваются ключевые межэтнические конфликты Северо-Восточной Индии (СВИ). Автор полагает, что традиционное деление населения СВИ на «равнинные» и «горные» народы не позволяет адекватно осмыслить природу конфликтов, и предлагает более детальную классификацию, учитывающую правовой статус, историю расселения и характер отношений каждой группы с государством и соседними общинами.

На основе предложенной классификации в статье выделяются и анализируются три основных типа конфликтов. Первый тип – противостояние местного населения и беженцев, которое рассмотрено как долгосрочное следствие раздела Британской Индии. Если в 1980-е гг. такие конфликты выливались в открытое насилие – резня в Мандае (Трипура, 1980 г.) и в Нелли (Ассам, 1983 г.) – то в XXI в. они принимают формы политического кризиса (споры вокруг поправок к закону о гражданстве 2019 г. и противоречия, вызванные притоком беженцев из Мьянмы). Второй тип – борьба за статус зарегистрированного племени. На примере конфликта мейтеев и куки в Манипуре и ситуации вокруг «чайных племен» Ассама показано, как позитивная дискриминация, изначально призванная защищать уязвимые народы, обернулась источником острой межобщинной конкуренции. Третий тип – межплеменные конфликты, в частности противостояние мизо и брю в Мизораме. Отдельно рассматривается движение народов СВИ за автономию.

Сделан вывод о том, что конфликты в СВИ носят системный, а не случайный характер. Они являются продуктом как колониального прошлого, так и постколониальной государственной политики. Их глубинные причины до сих пор не устранены: экономическая отсталость региона, колониальное наследие в виде несоответствия административных и этнических границ, а также внутренние противоречия института позитивной дискриминации. Относительная стабилизация ситуации с середины 2000-х гг. является хрупкой: многие противоречия заморожены, тогда как политических механизмов их окончательно урегулирования пока не выработано.

Ключевые слова: Северо-Восточная Индия, межэтнические конфликты, зарегистрированные племена, беженцы, автономистские движения, позитивная дискриминация

Для цитирования: Зарипова Л.Р. Межэтнические конфликты в Северо-Восточной Индии: типология и современное состояние. *Восток (Oriens)*. 2026. № 5. С. 196–206. DOI: 10.31696/S086919080038007-4

INTERETHNIC CONFLICTS IN NORTHEAST INDIA:
TYPES, PATTERNS, AND CURRENT TRENDS

© 2026

Liliia R. ZARIPOVA ^a^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8272-1754; zlr-zlr@mail.ru

Abstract: *The article examines the major interethnic conflicts of Northeast India (NEI). The author argues that the conventional division of NEI's population into "plains" and "hill" peoples fails to capture these conflicts, and proposes a more detailed classification based on legal status, settlement history, and each group's relations with the state and neighboring communities.*

Three main conflict types are identified. The first is the confrontation between local communities and refugees, treated as a long-term consequence of the Partition of British India. In the 1980s, tensions erupted into open violence – the massacres at Mandai (Tripura, 1980) and Nellie (Assam, 1983); in the 21st century they resurfaced as political crises: disputes over the 2019 Citizenship Act amendments and tensions over the influx of refugees from Myanmar. The second type is the struggle for Scheduled Tribe status. Originally designed to protect vulnerable communities, affirmative action policies have become a driver of inter-communal competition, as seen in the Meitei–Kuki conflict in Manipur and the situation of the tea tribes in Assam. The third type covers inter-tribal conflicts, notably the Mizo–Bru confrontation in Mizoram. Autonomy movements of NEI's peoples are also discussed.

The article concludes that conflicts in NEI are systemic rather than incidental. Underlying causes remain unresolved: persistent economic underdevelopment, the colonial legacy of mismatched administrative and ethnic boundaries, and the unintended consequences of affirmative action. The relative stabilization since the mid-2000s is fragile: tensions are frozen rather than resolved, and effective political mechanisms for their lasting settlement have yet to be developed.

Keywords: Northeast India, interethnic conflicts, Scheduled Tribes, refugees, autonomy movements, affirmative action

For citation: Zaripova L.R. Interethnic Conflicts in Northeast India: Types, Patterns, and Current Trends. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 5. Pp. 196–206. DOI: 10.31696/S086919080038007-4

Северо-Восточная Индия (далее – СВИ) – это уникальный регион во многих отношениях. Прежде всего, здесь проходит этническая и культурная граница между Южной и Юго-Восточной Азией. В составе Британской Индии Северо-Восток имел важное стратегическое значение, т.к. находился на границе империи. Колониальные власти не вмешивались в дела местных племенных вождей или князей, таким образом, народы Северо-Востока, оставаясь в изоляции, смогли сохранить свой традиционный уклад жизни. К середине XX в. большая часть этих народов находилась еще на догосударственной стадии развития общества [Chaube, 1990].

В 1947 г. в результате раздела британских владений СВИ стала частью Индийского союза, в состав которого вошли три административные единицы – это новообразованный штат Ассам и два бывших княжества, Манипур и Трипура. Их в 1952 г. посетил первый премьер-министр Индии, Джавахарлал Неру. Своими впечатлениями о поездке он поделился в письме кабинету министров: «Мы должны помнить, что эти народы и племена были полностью отрезаны от остальной Индии: наша национально-освободительная борьба не оказала

никакого влияния на них. Единственные “чужаки”, с которыми им доводилось общаться, – это английские офицеры и христианские миссионеры, не ставившие своей целью сделать народы Северо-Востока индийцами» [Nehru, 1987, p. 150]. Раздел Индии послужил катализатором резкого роста националистических настроений среди народов Северо-Востока, что привело к возникновению межэтнических противоречий, острота которых с каждым годом только нарастала. Нестабильная ситуация в регионе стала большой проблемой для Нью-Дели. За семь десятилетий, прошедших с момента обретения Индией независимости, многое удалось сделать для стабилизации ситуации, например, было создано семь «лингвистических» или «национальных» штатов, так называемые «семь сестер» (Ассам, Аруначал-Прадеш, Нагаленд, Манипур, Мегхалая, Трипура и Мизорам). С середины 2000-х гг. уровень межэтнической напряженности в регионе заметно снизился. В последние годы можно говорить об установлении хрупкого мира между многочисленными народами Северо-Востока. В данной статье рассматриваются главным образом современные межэтнические противоречия, которые формируют социально-политическую повестку региона.

НАРОДЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ

На сегодняшний день здесь, на относительно небольшой территории, проживают около двухсот народов (площадь СВИ сопоставима с размерами Великобритании или Румынии). Есть два устойчивых предубеждения касательно населения СВИ, которые не позволяют адекватно оценивать ситуацию в регионе, поэтому требуют пояснения.

Во-первых, принято считать, что Северо-Восток Индии – это преимущественно племенное население [Singh, 1982], однако, если проанализировать доступные данные последней переписи (2011 г.), то складывается более сложная картина. Зарегистрированные племена (далее – ЗП) составляют 27,6% от всего населения СВИ, что уже нельзя назвать большинством. К тому же, такое обобщение не отражает специфику концентрации племен в регионе. В Ассаме племенами представлено 12% населения штата, в Трипуре – 31%, эта ситуация сложилась в результате интенсивной миграции бенгалцев и других народов, из-за чего коренные жители превратились в этих штатах в меньшинство. Если посмотреть статистику без Ассама и Трипуры, то в пяти горных штатах СВИ (Аруначал-Прадеш, Манипур, Мегхалая, Мизорам и Нагаленд) племена – это 72% населения. Из них по-настоящему племенными можно назвать только три: Мизорам (94,4%), Нагаленд (86,5%) и Мегхалая (86%); имеют меньшую долю племенного населения Аруначал-Прадеш (68,8%) и Манипур (40,9%) [*ST Statistical Profile*]. Хотя, что касается Ассама и Манипура, то в этих штатах есть группы, которые фактически сохраняют племенные черты или заявляют об их наличии, но не имеют соответствующего юридического статуса.

В рамках переписей населения этническая принадлежность спрашивается только у ЗП, поэтому для остальных народов ее маркером служит родной язык. Исходя из этого, можно сделать вывод, что помимо племен в СВИ проживают следующие большие народы: в Ассаме – ассамцы (48,4%) и бенгалцы (28,9%); в Трипуре – бенгалцы (65,7%); в Манипуре – мейтеи (53,3%), которые ведут активную борьбу за внесение в списки ЗП; в Аруначал-Прадеше – бенгалцы (7,3%), носители-хинди (7%), непальцы (7%) и ассамцы (4%); в Мегхалае – бенгалцы (7,8%); в Мизораме – бенгалцы (9,8%); в Нагаленде – бенгалцы (3,8%), носители-хинди (3,2%) и непальцы (2,2%) [*Language Atlas of India*, 2022]. Таким образом, ассамцы, которые проживают преимущественно в Ассаме, и бенгалцы, чье присутствие значительно в каждом штате, – это 60% населения СВИ¹.

¹ Сложение процента племенного населения с данными о языке может не соответствовать 100%, т.к. сравниваются разные категории – держатели племенного сертификата и носители языков.

Второе предубеждение заключается в том, что исследователи вслед за колониальными чиновниками условно делят население СВИ на две большие группы – равнинные и горные народы. На наш взгляд, это достаточно грубое обобщение, которое дает искаженное представление о межэтнических противоречиях в регионе, поэтому ниже предлагается следующая классификация:

1. Большие народы, которые традиционно называют равнинными. Они представлены двумя основными этносами – это ассамцы и бенгальцы; среди последних значительная часть – это беженцы из Восточной Бенгалии.
2. Коренные жители, к которым можно отнести и ЗП (мизо-лушай, кхаси, гаро, нага, трипури и др.), и племена (мейтеи). Эти народы часто противопоставляют себя остальным, считая, что за ними приоритетное право проживания в СВИ и использования ее ресурсов.
3. Племена-переселенцы (миграция внутри СВИ в XVIII – нач. XX вв.), среди них куки (собираемый термин для родственных групп), брю (рьянг), хмар и др. Несмотря на культурную и антропологическую близость, коренные народы часто относятся к ним враждебно и считают чужаками.
4. Племена-беженцы из Восточного Пакистана/Бангладеш и Мьянмы (чакма, хаджонг, чин и др.). Это миграции, которые спровоцированы социально-политическими потрясениями в соседних государствах.
5. Племена-трудовые мигранты, так называемые «чайные племена»: санталы, мунда, ораоны, гонды и др. Живут преимущественно в Ассаме. Сложность их положения заключается в том, что на родине они внесены в списки ЗП, а в СВИ имеют статус прочих отсталых классов и подвергаются дискриминации.
6. Неплемена-трудовые мигранты – бенгальские мусульмане, бихарцы, пенджабцы, хиндиязычные рабочие и др. Несмотря на то, что в процентном отношении это немногочисленная часть населения, с ней связаны многие инциденты на почве межэтнических конфликтов.
7. Племена-метисы – этнические группы, возникшие в результате взаимодействия соседних народов, например, бишнуприя (мейтеи и бенгальцы), хаджонг (видимо, гаро и бенгальцы), линггнам/мегам (кхаси и гаро) и др. Их положение в социальной иерархии часто четко не определено и зависит от многих факторов. Например, бишнуприя тяготеет к мейтеям, в то время как мейтеи не считают их частью своей общины [Acharya, 1990, p. 82–83].

Такая детальная классификация населения СВИ позволяет глубже проанализировать природу конфликтов в регионе, возникающих на национальной почве.

ТИПЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Главная причина межэтнической нестабильности СВИ связана с экономической отсталостью региона и его изолированностью. Конфликты, как правило, разгораются из-за земли, доступа к природным ресурсам, рабочим местам или из-за представительства в органах местного самоуправления. Дополнительным фактором межэтнической напряженности в регионе стало проведение государственных границ и границ между штатами. Учитывая этнонациональный состав СВИ, можно выделить следующие типы межэтнических конфликтов:

1. Конфликты между местными жителями и беженцами из соседних государств. Проблема беженцев в СВИ возникла в результате раздела Британской Индии в 1947 г.:

здесь речь идет прежде всего о бенгальцах, выходцах из Восточного Пакистана. В отличие от Пенджаба переселение беженцев из Бенгалии затянулось на несколько десятилетий и закончилось только после войны за независимость Бангладеш 1971 г. Несмотря на то, что основной поток шел в Западную Бенгалию, значительная часть отправилась на восток, в СВИ. Главный удар пришелся на Ассам, бывший округ которого, Силхет, был поделен между новыми государствами, и бывшее княжество Трипура, где из-за переселения бенгальцев-индусов к началу XXI в. коренное население, племена, превратилось в меньшинство и было оттеснено в горные районы [Debbarma, 2021]. Если до раздела Британской Индии экономика Ассама и Трипуры ориентировалась на Восточную Бенгалию, то с проведением государственной границы эти территории оказались в экономической изоляции и стали приходить в упадок. Резкий рост населения стал дополнительным катализатором социальной напряженности, что привело к конфликтам между местными жителями и переселенцами. Наивысшей точки эта конфронтация достигла в 1980-е гг., когда вспышки насилия приводили к массовой резне мирного населения. В Трипуре 6 июня 1980 г. вооруженные боевики из племен расстреляли более 200 бенгальцев, жителей деревни Мандай. Это вылилось в кровавые столкновения в штате: несколько сотен тысяч человек вынуждены были покинуть свои дома. По оценке правительственной комиссии, работавшей в Трипуре в июле 1980 г., всего за месяц беспорядков погибло 539 чел. [Bhattacharyya, 2014, p. 125, 174–175]. В Ассаме 18 февраля 1983 г. в деревне Нелли атаке подверглись бенгальцы-мусульмане. Среди нападавших были и племена, и ассамцы, они сначала поджигали дома, а затем расстреливали спасавшихся от огня людей. Число погибших оценивается в 1,6 тыс. чел. [Kimura, 2003].

В последующие годы кровавые инциденты подобных масштабов в СВИ не повторялись, однако антагонизм местных жителей с бенгальцами продолжал иметь место и на бытовом, и на политическом уровнях. Например, поправки к закону о гражданстве 2019 г., принятые правительством Нарендры Моди, по которым представители религиозных меньшинств из соседних государств могут по упрощенной схеме получать индийское гражданство, спровоцировали недовольство и протесты в СВИ. Если в соответствии с Ассамским соглашением 1985 г. на индийское гражданство могли претендовать лица, переселившиеся в СВИ до 1971 г., то новая поправка увеличила этот срок до 2014 г. [Ahmed, 2020]. Для местного населения это означает новый приток мигрантов-индусов из Бангладеш и легализацию уже проживающих в регионе беженцев. В декабре 2019 г. протесты и связанные с ними беспорядки охватили все штаты региона. Наиболее серьезные столкновения с полицией были в Ассаме и Трипуре, где для урегулирования ситуации вводился комендантский час, ограничивалось движение транспорта и был отключен интернет. Беспорядки сопровождалась погромами магазинов и лавок, чьи владельцы являются бенгальцами или выходцами из других штатов [Muller, 2019]. Необходимо отметить, что такие случаи были единичны, и общая логика развития протеста показала, что главным объектом нападения и недовольства стали политические лидеры, правительственные чиновники, государственные учреждения и партийные организации. Таким образом, можно сделать осторожный вывод, что межэтническая напряженность между бенгальцами, переселившимися в СВИ с 1947 по 1971 гг., и местными жителями постепенно ослабевает, и теперь они зачастую вместе выступают против новых мигрантов и борются за свои общие права.

Для СВИ и Бенгалии характерно, что многие малые народы рассеяны по территории, населенной крупными народами. Поэтому помимо бенгальцев беженцами, вынужденными переселиться в Индию, становились и так называемые племена. Индийское правительство создавало специальные условия для их расселения, реабилитации и оказывало помощь.

Несмотря на эти меры, два малых народа, чакма и хаджонг, оказались в сложной ситуации, разрешение которой в современных условиях представляет большие трудности.

В СВИ чакма проживают в Трипуре, Мизораме, Ассаме и Аруначал-Прадеше, а хаджонг – в Ассаме, Мегхалае и Аруначал-Прадеше. В каждом штате положение этих народов отличается, связано это с разными историческими условиями расселения. В Трипуре и Мизораме чакма поселились еще в мусульманский и английский периоды истории Бенгалии, они имеют в этих штатах статус ЗП и пользуются правами представительства в органах местного самоуправления [Majumdar, 2013]. В Ассаме их количество незначительно, тем не менее им там также предоставлен статус ЗП. Хаджонг считаются коренными народами Ассамы и Мегхалаи, и имеют в этих штатах статус ЗП [Statistical Profile, 2013, p. 367–382]. Иная ситуация сложилась в Аруначал-Прадеше, куда индийское правительство в 1960-е гг. поселило чакма и хаджонг. В 1964 г. эти народы были вынуждены покинуть свои дома в Читтагонгском горном районе Восточного Пакистана по двум причинам: во-первых, из-за строительства плотины их земли затапливались, во-вторых, они подверглись гонениям как немусульманские народы (чакма – буддисты, хаджонг – индусы) [People of India, 1995, p. 151]. Тогда по централизованному плану реабилитации после переговоров с администрацией Северо-Восточного пограничного агентства (НЕФА) около 3 тыс. семей чакма и хаджонг (14–15 тыс. чел.) получили земли [Das, Rahman, 2015]. Проблемы начались с 1980-х гг., когда местные власти начали ущемлять и ограничивать права этих общин. Дело в том, что за два десятилетия численность чакма и хаджонг значительно увеличилась, из-за чего местные племена превратились в меньшинство и стали требовать выселения переселенцев. Главную роль здесь играет не вопрос о земле, а вопрос о представительстве в органах местного самоуправления. Если чакма и хаджонг получают право голоса, то их представительство в законодательной ассамблее будет больше, чем у некоторых коренных племен. Верховный суд в январе 1996 г. объявил чакма и хаджонг гражданами Индии и запретил их принудительное выселение. В сентябре 2015 г. суд повторно обязал местные власти оформить гражданство в трёхмесячный срок [Izzat, 2022]. Правительство штата саботирует решения суда: отменяет свидетельства о проживании, не регистрирует рождения детей, не включает людей в избирательные списки, не распространяет на них социальные программы. После окончания школы молодежь чакма и хаджонг без документов не имеет возможности получения высшего образования и легального трудоустройства. Сегодня община занимается натуральным сельским хозяйством и не имеет нормального доступа к образованию и здравоохранению. Несмотря на несколько десятилетий конфликта, протекает он преимущественно в политической сфере, и прямого насилия между чакма, хаджонг и коренным населением не было. Согласно учету 2015–16 гг. численность чакма и хаджонг в Аруначал-Прадеше составляет около 65–66 тыс. чел. [Bath, 2020]. На сегодняшний день ведутся переговоры центрального правительства с властями Аруначал-Прадеша о предоставлении этим народам индийского гражданства, но без статуса ЗП, который они имеют в других штатах СВИ. Таким образом, чакма и хаджонг не смогут пользоваться привилегиями, которые имеют коренные народы штата, – правом представительства общины в органах местного самоуправления, правом на землю и резервированием мест на государственных должностях и в учебных заведениях.

К настоящему моменту вопрос о беженцах из Восточной Бенгалии, переселившихся в СВИ до 1971 г., в целом решен – большинство переселенцев стало гражданами Индии. Ситуация, сложившаяся вокруг положения общин чакма и хаджонг в Аруначал-Прадеше – это единственная проблема такого масштаба, которая сохраняется на протяжении нескольких десятилетий.

Парадоксальная ситуация с новыми беженцами в СВИ сложилась в XXI в. Очередную волну миграций на территорию Индии спровоцировала гражданская война в Мьянме,

развязанная в 2021 г. Представители народа чин бежали в штаты Манипур и Мизорам. По индийским законам они считаются нелегальными мигрантами, для которых пересечение государственной границы чревато арестом и депортацией. Никаких возможностей получения индийского гражданства в этом случае нет, упомянутые выше поправки к закону о гражданстве 2019 г. на переселенцев из Мьянмы не распространяются. Если в Манипуре к чин относятся как к нелегальным мигрантам и применяют соответствующие меры, то в Мизораме ситуация иная. Мизо и чин – это, по сути, один народ, поэтому Мизорам предоставил беженцам временное убежище. Из-за чего у штата возник конфликт с центральным правительством, т.к. предоставлять статус беженца – это прерогатива центра. Более того, Индия не имеет национального закона о беженцах, поэтому нет единой процедуры предоставления убежища. В ситуации с Мьянмой Министерство внутренних дел в июле 2021 г. направило штатам СВИ директиву о предотвращении нелегального пересечения границы [*Illegal Influx of People*, 2021]. Однако правительство Мизорама заняло противоположную позицию: для беженцев (ок. 40 тыс. чел.) было создано 160 временных лагерей в приграничных районах, также им был открыт доступ в государственные больницы и школы [Khai, 2024]. Это значительная нагрузка на инфраструктуру такого небольшого штата как Мизорам. Несмотря на возросшую социальную напряженность, основное недовольство местных жителей связано не с беженцами, а с действиями центрального правительства. Например, планы строительства стены на границе для предотвращения нелегальной миграции вызывают негативную реакцию и протесты, потому что зачастую члены одной семьи живут по обе стороны границы [Karmakar, 2024]. На сегодняшний день беженцы в Мизораме находятся в правовом вакууме.

2. *Борьба за статус ЗП.* В Индии принадлежность к какому-либо племени – это юридический статус гражданина, который подтверждается наличием специального сертификата (Scheduled Tribe Certificate/Anusuchit Janjati Praman Patra). Юридический статус часто не соответствует реальному положению вещей, т.е. группа, внесенная в списки ЗП, может не иметь черт «племени» в антропологическом или этнографическом смысле. И наоборот, группа, которая фактически сохраняет традиционный племенной уклад или имеет другие признаки племени, закрепленные индийским законодательством, может не иметь соответствующего юридического статуса. В конституции Индии нет определения термина «зарегистрированное племя», поэтому сразу после независимости ориентировались на колониальные списки так называемых «отсталых племен». В 1965 г. в отчете комитета, возглавляемого Б.Н. Локуром, были предложены 5 критериев, которые используются до сих пор: это 1) признаки первобытных черт; 2) самобытная культура; 3) географическая изоляция; 4) робость при контактах с представителями других сообществ; 5) отсталость [Lokur, 1965, p. 7]. Нужно отметить, что критерии эти достаточно расплывчатые и спорные, их содержание можно трактовать по-разному. Статус ЗП дает значительные привилегии: помимо резервирования мест в образовании, на госслужбе и в парламенте племена имеют право на расширенное представительство в органах местного самоуправления, права на автономное управление в рамках Шестого приложения конституции, а главное – имеют защиту прав на свои земли, т.е. во многих штатах запрещена передача и продажа племенных земель не-держателям племенного сертификата [*The Constitution of India*, 2021]. В СВИ действует особый конституционный режим, поэтому земля фактически принадлежит общинам.

Из-за этих привилегий разгорелся межэтнический конфликт в Манипуре, где, как указано выше, ЗП составляют 40,9% населения. До раздела Индии Манипур – это независимое княжество с многовековой историей и своей династией. Мейтеи – это типичный оседлый рисоводческий народ, живший в долине Импхал (Манипурская долина), именно вокруг него строилась государственность княжества. Окружали долину горы, где по соседству с

мейтеями жили нага и куки, традиционно занимавшиеся подсечно-огневым земледелием. Мейтейские правители периодически совершали походы в горы, собирали дань, заключали союзы с вождями племён, поэтому считали себя выше по иерархии. Уже в составе независимой Индии мейтеи не были включены в список ЗП в отличие от живущих в горах нага и куки. Таким образом, в современном штате Манипур 90% территории – это горные районы, где проживают ЗП, поэтому земля там не продается и вообще никак не может использоваться представителями других общин; а 10% территории – это собственно долина Импхал, где только и могут жить мейтеи. Изначально мейтеи сами отказались от включения в списки ЗП, потому что никаким «отсталым племенем» в колониальном смысле себя не считали [Oinam, 2003]. Несмотря на это обстоятельство, мейтеи в социально-экономическом плане не слишком отличались от других народов СВИ, которые были включены в списки ЗП, и нуждались в поддержке государства, поэтому с течением времени часть мейтеев попала в список зарегистрированных каст, а часть – в список прочих отсталых классов. Эти две категории населения имеют меньше привилегий по сравнению с ЗП: нет права отдельного представительства общины и права на защиту своих земель (мейтеи не могут покупать земли куки и нага в горах, а куки и нага могут покупать земли в долине Импхал). Мейтеи составляют большую часть населения штата (53,3%), им принадлежит большинство мест в Законодательной ассамблее.

Ситуация в Манипуре – это наглядный пример того, как земельный вопрос напрямую переплетается со статусом ЗП. Именно это противоречие стало поводом к беспрецедентному за последние годы насилию в СВИ. В 2023 г. суд Манипура рекомендовал правительству штата рассмотреть вопрос о предоставлении мейтеям статуса ЗП, на что маршем протеста отреагировали студенты из племен, начались столкновения и беспорядки – в итоге погибло более 200 чел., тысячи вынуждены были покинуть свои дома. Правительство ввело комендантский час и отключило интернет на несколько месяцев [Naokip, 2023]. По состоянию на сегодня конфликт не разрешён. Фактически штат остаётся разделённым на этнические районы, периодически происходят вспышки насилия, а политического решения не принимается.

Помимо мейтеев за статус ЗП ведут борьбу так называемые «чайные племена» Ассама. Еще в XIX в. для работы на плантациях колониальные власти переселяли племена из Центральной и Восточной Индии: санталов, мунда, ораонов, гондов и др. [Sharma, Khan, 2018]. Сегодня чайные плантации принадлежат крупным корпорациям и частным компаниям, которые полностью обеспечивают работников жильем, водой, медицинскими услугами и т.п. То есть сложилась ситуация, при которой люди, проживающие на земле более 200 лет, не имеют права собственности на жилье, могут быть выселены в любой момент и вообще не владеют ничем. На практике качество услуг, предоставляемых владельцами плантаций, – ужасное. Из-за низкого уровня жизни эти народы получили в Ассаме статус прочих отсталых классов, однако меры поддержки, которые он дает, не решают главного вопроса – права собственности на землю, на которой люди живут уже несколько поколений [Rao, Bernaz, 2020]. В штатах Центральной Индии эти народы считаются племенами и внесены в соответствующие списки. «Чайные племена» Ассама также сохраняют многие племенные черты и в соответствии с критериями Локура могут претендовать на статус ЗП, что бы позволило значительно улучшить их положение. Однако эти стремления сталкиваются с интересами ЗП Ассама: как в случае с чакма и хаджонг в Аруначал-Прадеше, при расширении списка ЗП размывается представительство коренных общин в органах местного самоуправления. В Ассаме ситуация осложняется вопросом о земле, так как статус ЗП подразумевает защиту земельных прав, и племена Ассама опасаются, что «чайные племена» смогут претендовать на их земли. За десятилетия борьбы за статус ЗП в Ассаме

было несколько серьёзных эпизодов насилия [Das, 2020]. В 2014 г. Нарендра Модии лично пообещал статус ЗП шести общинам Ассама, благодаря чему Бхаратия джаната парти получила их голоса на выборах. Выполнить это обещание не удалось, т.к. любое решение вызывает недовольство одной из крупных групп населения [Six ethnic communities, 2024].

С одной стороны, позитивная дискриминация ЗП действительно защищает права племенных народов и до сих пор является необходимой мерой; с другой стороны, она создает противоречия, ведущие к конфликтам интересов разных общин.

3. Межплеменные конфликты. В борьбе за собственную этническую идентичность и ресурсы также разгораются конфликты между коренными народами СВИ и возникает спор о том, чьи предки раньше заняли эти земли. В последние годы особенно обострилась ситуация вокруг конфликта мизо и брю (рьянгов) в Мизораме. Административное деление СВИ зачастую не соответствует этническим границам, из-за чего малые народы оказываются разделены между штатами, в каждом из которых их юридическое положение может отличаться. Основной штат проживания народа брю – это Трипура, однако их общины присутствуют и в Ассаме, и в Мизораме, и в Бангладеш. Конфликт с мизо развернулся с начала 1990-х гг., когда брю стали добиваться автономии в рамках Шестого приложения, против чего резко выступили националистические организации мизо. С середины 1990-х гг. мирные требования брю переросли в вооружённое сопротивление. В результате притеснений и насилия со стороны мизо около 30 тыс. чел. брю вынуждены были бежать из Мизорама на север Трипуры, где расселились в лагерях для беженцев. Вопрос об их дальнейшей судьбе решился только в 2020 г., когда было подписано четырехстороннее соглашение между правительством Индии, правительствами Мизорама и Трипуры и представителями брю. Предыдущие договоренности о возвращении брю в Мизорам не приводили к прекращению насилия, поэтому им разрешили на постоянной основе поселиться в Трипуре, где были разработаны специальные меры реабилитации и поддержки [Vijukumar, 2022]. Трипури воспринимают брю как родственный народ, говорящий на взаимопонимаемом диалекте языка кокборок, поэтому не возникает острых конфликтов с местными племенами. Фактически соглашение 2020 г. зафиксировало невозможность возвращения брю на родину.

АВТОНОМИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

В рамках этого повествования стоит упомянуть неразрывно связанное с межэтническими конфликтами движение народов СВИ за национальное самоопределение, которое приняло форму борьбы за отдельный штат, автономию или даже собственное государство. Ранее отмечалось, что административное деление СВИ еще с колониальных времен создавалось без учета этнических границ, что породило массу проблем уже в независимой Индии. В результате борьбы племен из «большого» Ассама выделились современные штаты Нагаленд, Мегхалая и Мизорам. Специально для СВИ было подготовлено Шестое приложение конституции, по которому ЗП в пределах штата могли бы получить широкую автономию в управлении своими землями и общиной. К настоящему моменту на территории СВИ функционирует десять племенных автономий в рамках Шестого приложения конституции, помимо них существуют автономные советы, созданные законами штатов (имеют меньше полномочий по сравнению с Шестым приложением) [The Constitution of India, 2021, р. 335–336]. Несмотря на это, движение за автономию продолжается и сегодня. Условно можно выделить несколько уровней борьбы: общины, которые не имеют никакой автономии и хотят ее получить; ЗП, которые имеют автономные советы по законам штата и хотят перейти под Шестое приложение; ЗП, которые имеют автономию по Шестому приложению, но хотят полноценный штат; и те, кто хочет интеграции территорий через границы штатов.

Каждый уровень порождает конфликты – и с государством, и с соседними этническими группами, которые видят в расширении чужой автономии угрозу собственным территориям и ресурсам. Наглядный пример того, как создание автономии для одних ущемляет интересы других, – штат Мегхалая, который выделился из Ассама для защиты от ассамского доминирования трех горных народов: кхаси, джайнтия и гаро. В нем снова выстроилась иерархичная система, где родственные кхаси и джайнтия преобладают в органах местного самоуправления, из-за чего гаро считают свои права ущемленными и требуют отдельного штата. В то же время эти три главные общины доминируют над малыми племенами штата, которые хотят отдельного регионального совета для себя. Одновременно с этим все племена вместе выступают против мигрантов из других частей Индии, а также против нелегальной миграции из Бангладеш [Наокир, 2014]. Такая «матрешка» конфликтов – характерная черта СВИ, когда вопросы этнической идентичности связаны и с борьбой за автономию, и с правами на землю, и с политическим представительство.

ВЫВОДЫ

Проведённый анализ межэтнических конфликтов в СВИ позволяет сделать ряд выводов относительно природы этнополитической нестабильности региона и перспектив её преодоления.

Важно подчеркнуть, что конфликты в СВИ носят не случайный, а системный характер. Их питательной средой служат экономическая отсталость и изолированность региона, исторически сложившееся несоответствие административных границ этническим, а также колониальное наследие в виде правовых механизмов, закрепивших неравенство между общинами. История региона наглядно показывает, что урегулирование отдельных конфликтов без воздействия на эти структурные причины, как правило, порождает новые противоречия.

Институт ЗП, задуманный как инструмент защиты уязвимых групп населения, превратился в главный предмет конкурентной борьбы между общинами в СВИ. Любое расширение списков ЗП ущемляет уже включённых в них, а отказ в статусе лишает целые народы базовых прав.

Роль центрального правительства в этнополитических процессах СВИ остаётся двойственной. С одной стороны, именно вмешательство Нью-Дели позволило урегулировать ряд затяжных конфликтов. С другой стороны, зачастую этнические противоречия переходят в противостояние регионов с центром.

Подводя итог, необходимо разграничить два явления: снижение интенсивности насилия и подлинное урегулирование конфликтов. С середины 2000-х гг. регион действительно стал заметно спокойнее, однако многие противоречия не разрешены, а лишь заморожены. СВИ по-прежнему остаётся пороховой бочкой, где достаточно одной искры, чтобы пожар межэтнических конфликтов разгорелся с новой силой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Acharya S.K. Ethnic Processes in North-Eastern India. *Nationality, Ethnicity and Cultural Identity in North-East India*. B. Pakem (ed.) New Delhi: Guwahati, 1990. Pp. 69–108.
- Ahmed H. Making Sense of India's Citizenship Amendment Act 2019: Process, Politics, Protests. *Asie. Visions*. No. 114. Paris: Ifri, 2020.
- Bath N. Chakma-Hajong population: It's beyond numbers. *The Arunachal Times*. 28.01.2020. <https://arunachaltimes.in/index.php/2020/01/28/chakma-hajong-population-its-beyond-numbers/> (accessed: 08.12.2025).
- Bhattacharyya S. *Genesis of Tribal Extremism in Tripura*. New Delhi, 2014.

- Bijukumar V. Enigma of 'Brus' in Mizoram: Displacement, Repatriation and Livelihood. *Refugee Watch*. 2022. No. 59. Pp. 20–33.
- Chaubé S.K. Tribal Societies and the Problem of Nation-Building. *Nationality, Ethnicity and Cultural Identity in North-East India*. Ed. by B. Pakem. New Delhi, Guwahati, 1990. Pp. 15–25.
- The Constitution of India*. New Delhi: Ministry of Law and Justice, Government of India, 2021.
- Das D. Work life experience of Adivasi (indigenous) workers in Tea Plantation Industry on conflict-ridden areas in India: A qualitative study in Assam. *Journal of Public Affairs*. 2020. e2446. Pp. 1–9.
- Das K.C., Rahman A. Statelessness: A Study of Chakma Refugees of Arunachal Pradesh. *Cross-Currents: An International Peer-Reviewed Journal on Humanities & Social Sciences*. 2015. Vol. 1. No. 2. Pp. 50–54.
- Debbarma N.A *Critical Study on Migration and Refugee Problem in Tripura*. Agartala, 2021.
- Haokip T. Inter-ethnic relations in Meghalaya. *Asian Ethnicity*. 2014. Vol. 15. No. 3. Pp. 302–316.
- Haokip T. Unfolding the Manipur Riots. *Economic and Political Weekly*. 2023. Vol. 58. No. 19. 13.05.2023. <https://www.epw.in/journal/2023/19/comment/unfolding-manipur-riots.html> (accessed: 16.12.2025).
- Illegal Influx of People. *Ministry of Home Affairs, Press Information Bureau*. New Delhi, 27.07.2021. <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1739494> (accessed: 08.03.2025).
- Izzat M. The Chakmas' Struggle for Citizenship: Breaking Down India's Citizenship Acquisition Regime. *NUJS Law Review*. 2022. Vol. 15. No. 3–4. Pp. 1–11.
- Karmakar S. Fencing the border with Myanmar not acceptable: Mizoram NGOs to Centre. *Deccan Herald*. 2024. <https://www.deccanherald.com/india/mizoram/fencing-the-border-with-myanmar-not-acceptable-mizoram-ngos-to-centre-2904338> (accessed: 14.03.2025).
- Khai T.S. India's refugee policy dilemma and its impact on Myanmar refugees at the India–Myanmar frontier. *Discover Public Health*. 2024. Vol. 21. Art. 153.
- Kimura M. Memories of the Massacre: Violence and Collective Identity in the Narratives on the Nellie Incident. *Asian Ethnicity*. 2003. Vol. 4. No. 2. Pp. 225–239.
- Language Atlas of India, 2011*. New Delhi: Census of India, 2022.
- Lokur B. N. *Report of the Advisory Committee on the Revision of the Lists of Scheduled Castes and Scheduled Tribes*. New Delhi: Department of Social Security, Government of India, 1965.
- Majumdar P. *The Chakmas of Tripura*. Agartala, 2013.
- Nehru J. *Letters to Chief Ministers 1947–1964*. Vol. 3 (1952–1954). New Delhi, 1987.
- Muller N. Frustrations Flare in India's Northeast Over Citizenship Bill. *The Diplomat*. 16.12.2019. <https://thediplomat.com/2019/12/frustrations-flare-in-indias-northeast-over-citizenship-bill/> (accessed: 14.03.2025).
- Oinam B. Patterns of Ethnic Conflict in the North-East: A Study on Manipur. *Economic and Political Weekly*. 2003. Vol. 38. No. 21. Pp. 2031–2037.
- People of India: Arunachal Pradesh*. K.S. Singh, S.I. Ahmad, P. Dutta (eds.) Calcutta: Anthropological Survey of India, 1995.
- Rao M., Bernaz N. Corporate Responsibility for Human Rights in Assam Tea Plantations: A Business and Human Rights Approach. *Sustainability*. 2020. Vol. 12. Art. 7409.
- Sharma A., Khan S. The paradox of indigeneity: Adivasi struggle for ST status in Assam. *Contributions to Indian Sociology*. 2018. Vol. 52. No. 2. Pp. 1–26.
- Singh K.S. Introduction. *Tribal Movements in India*. K.S. Singh (ed.) Vol. I. New Delhi, 1982. Pp. vii–xiv.
- Six ethnic communities protest for ST status in Guwahati, burn effigies over broken promises. *The Assam Tribune*. 04.09.2024. <https://assamtribune.com/assam/six-ethnic-communities-protest-for-st-status-in-guwahati-burn-effigies-over-broken-promises-1550263> (accessed: 09.03.2025).
- ST Statistical Profile – at a glance. *Ministry of Tribal Affairs. Government of India*. https://tribal.nic.in/downloads/Statistics/STsStatisticalProfileAtaGlance_09072024.pdf (accessed: 18.02.2025).
- Statistical Profile of Scheduled Tribes in India 2013*. Government of India, Ministry of Tribal Affairs, 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗАРИПОВА Лилия Рафисовна – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Liliia R. ZARIPOVA, Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.